
ОБРАЗ СТАЛИНА В РОМАНЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

И. Папандопулу

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В романе Солженицына «В круге первом» дан художественный анализ эпохи, содержание которой связывается прежде всего с именем Сталина, исследуются формы эстетического воплощения мира, в котором главной оказывалась его концепция исторического развития.

Ключевые слова: роман, реализм и соцреализм, система образов, Сталин, эстетическая позиция художника.

Связываемая прежде всего с именем Сталина межвоенная эпоха в истории советского общества часто именуется эпохой господства тоталитаризма. Соглашаясь с тем, что такое определение немного уязвимо, примем его за неимением лучшего при обращении ко времени, которое им характеризуется. Оно служит предметом изучения в самых разных областях научного социального и гуманитарного научного знания, в том числе как эстетический феномен, обусловивший процессы, протекавшие в искусстве. Важнейшим при таком подходе к его развитию становится вопрос о соотношении искусства и политики. Существенно, что именно в указанную эпоху возникает и утверждается как единственно верный так называемый метод социалистического реализма. Характерно, что в этом определении уже соединение (в какой-то мере даже противоположное) понятий, принадлежащих разным сферам знаний.

В статье «Что такое социалистический реализм» (1957), послужившей впоследствии одним из оснований для вынесения ее автору сурового приговора, А. Синявский говорил о «святой святых социалистического реализма, его краеугольным камне и главном достижении» — положительном герое, который, «распространился вширь, заполонив литературу» [1. С. 437, 438]. И, что естественно в условиях той эпохи, «Сталин это первый положительный герой среди ныне живущих людей. Сама идея положительного героя в советском искусстве ориентирована на фигуру вождя» — это будет сказано им же в статье, в названии которой выражены две стороны стоящей в центре нашего внимания проблемы: «Сталин — герой и художник сталинской эпохи» [2. С. 114]. Именно так: являясь главным положительным искусства своей эпохи, он властной рукой направлял его развитие, диктовал художникам цели и задачи творчества.

Именно здесь находится важнейшая из причин, которая и сегодня заставляет обращаться к его имени при изучении литературы, где предметом внимания писателя становится эпоха тоталитаризма. Цели, которые при этом ставят перед собой художники, избираемые ими эстетические средства чрезвычайно многообразны, что обусловлено прежде всего их отношением к личности вождя, оценкой этой одной из самых значительных в истории советского общества фигур.

А. Солженицын едва ли не глубже и основательнее других писателей решает в своем творчестве эту тему. И прежде всего в этом случае следует говорить о его романе «В круге первом».

Необходимо сказать о том, что на долю писателя выпало все самое тяжкое из того, что пришлось в ту пору на долю советского человека. О сталинской эпохе он судит не со стороны, демонстрируя в своем творчестве стремление и способность к серьезному художественному исследованию жизни, он не скрывает своей оценки явлений, напрямую обусловленных злой волей руководителя страны. Представление о нем создается не только прямым изображением кремлевского властителя, попытками проникнуть в ход его мыслей, в его психологию, но и воссозданием обстановки и атмосферы эпохи, что выявляется в судьбах самых разных людей, в их мироощущении, поведении, строе мыслей.

Роман «В круге первом» принадлежит к числу ранних произведений писателя: он создавался в 1955—1958 гг., но на родине появился впервые в 1990 г. Существует два варианта романа: сокращенный (87 глав) и более полный (96 глав). Сам Солженицын в предисловии к первому изданию романа на родине писал: «Чтобы дать ему хоть слабую жизнь, сметь показывать и отнести редакцию, я сам его ужал и искажил, верней — разобрал и составил заново, и в таком-то виде он стал известен. И хотя теперь уже не нагонишь и не исправишь — а вот он полный. Впрочем, восстанавливая, я кое-что усовершенствовал: ведь тогда мне было сорок, а теперь пятьдесят» [3. С. 5].

Литературные взгляды Солженицына формировались в эпоху, когда соцреализм только утверждался, набирал силу: складывались жанры, которые станут для него каноническими; среди них главное место принадлежало роману «производственному» и «идеологическому», «роману воспитания», хотя, в сущности, каждое произведение служило воспитанию человека в соответствии с требованиями, которые формулировались властью. Эстетические представления писателя о литературе и искусстве формировались в обстановке доминирования «гносеологоцентризма» — понимания художественного творчества прежде всего как формы познания жизни. При таком подходе главным критерием эстетической ценности становится мера и степень соответствия произведения правде жизни. Парадокс, однако, заключается в том, что именно это исключается при изображении жизни в ее революционном развитии, т.е. должного, а не сущего. И Солженицын, стоя на позициях именно реализма, стремясь отражать истинную советскую реальность, в рамки объявленного основным (а на деле — единственным) художественного метода не вписывается: подлинная правда жизни, встающая в его произведениях, оказывается на редкость противоречащей тому, что выдавалось за «правду» в советской литературе.

Как было сказано Е. Добренко, «заявляя о том, что «прекрасное — это наша жизнь», соцреализм уравнивает «идеал» и реальность» [4. С. 38]. По мнению исследователя, соцреализм выполнял свойственные искусству социальные функции и потому часто воспринимается как одна из форм пропаганды, лишь имитирующей подлинное искусство. Представление об этом подкрепляется всякого рода партий-

ными постановлениями о роли и месте искусства в современной жизни, о его функциях в жизни общества. Для Е. Добренко соцреализм является важнейшей социальной институцией сталинизма — институцией по производству сталинизма. Речь, таким образом, идет о существенных изменениях в отношении искусства и действительности. В отличие от ранее существовавших форм этих отношений институция соцреализма выполняла — но лишь по необходимости — и эстетические функции, но основная его функция — создавать соцреализм, советскую реальность, а не артефакт [4. С. 6, 7]. Соцреализм служит пропаганде, которая, в свою очередь, подчинена решению задачи; «лакировка», «типизация», «романтизация» — это лишь механизмы эстетизации. «Эстетизировать — значит пересоздать мир, трансформировать его по законам красоты и гармонии, вот почему соцреализм должен быть рассмотрен именно как эстетический феномен. Соцреализм производил символические ценности социализма, вместо реальности социализма» [4. С. 26, 27].

С самого начала его творчества и в пору создания романа «В круге первом» Солженицын стоял на иных, нежели писатели, исповедовавшие принципы соцреализма, позициях, убежденный в том, что этот «метод» служит уходу от того, что сам он называет «главной правдой». И прежде всего повествует о жизни в условиях советского общества.

Главным эстетическим принципом художественной стратегии в романе «В круге первом» является решительное отталкивание от содержательных и формальных стереотипов и клише соцреализма. Примечательно, однако, что, являясь, по словам Н. Лейдермана, «принципиально антисоцреалистическим произведением», роман Солженицына заставляет вспомнить о столь высоко ценимом в искусстве соцреализма производственном романе, но жанровая его структура, иерархия эстетических координат при этом переворачивается целиком. На это указывает и М. Липовецкий, усматривающий в романе «вывернутую наизнанку жанровую модель производственного романа 50-х годов» [5. С. 19]. Интересны суждения на этот счет М. Зиолковски, отмечающей, что большинство русских диссидентских произведений, в которых изображается эпоха тоталитаризма, реалистичны по стилю. По мнению исследователя, «несмотря на радикальный сопротивляющийся политический подтекст, в литературных произведениях о сталинизме, далеко не всегда входящих в сферу официальных произведений социалистического реализма, замечается склонность к консервативному стилю повествования, который не отличается от стиля социалистического реализма [6. С. 7]. Авторы такого рода произведений, как правило, стоят на позициях дидактизма, обладают склонностью дихотомическому образу мышления.

Как отмечено Н. Лейдерманом, в «отличие от классических реалистических романов с их культом «жизнеподобия», в «Круге первом» устойчивым принципом поэтики становится сцепление натуралистической точности с условностью, придающей образу обобщенно-символическое значение» [7. С. 275]. Да ведь и реалистическому искусству свойственно стремление к совмещению условности, обусловленное акцентированием не на тождественности, а на противопоставлении

изображаемого формам реальности и жизнеподобия, нивелирующего подобные различия, создающего иллюзию тождественности изображения жизни. При этом в классической литературе XIX в. предпочтение отдавалось принципу жизнеподобия. В искусстве XX в. упрочился взгляд, согласно которому жизнеподобие и условность — равноправные и плодотворно взаимодействующие принципы художественной структуры. А в романе Солженицына «стыки» натуралистической достоверности с условно-символической обобщенностью приводят к тому, что фактура „производственного романа“ перетекает в какую-то иную жанровую систему — систему координат идеологического романа...» [7. С. 276].

Следует сказать и еще об одной особенности жанровой структуры романа. Здесь соединяются автобиографический материал и художественный вымысел: самопрезентация автора служит основанием для создания собственной (для исследователей — почти документально точной) версии жизни, о которой повествуется. И это при явном предпочтении объективности ее изображения, художественного анализа. Базовую роль в художественном претворении реальности в романе играют принципы классического реализма: взаимодействие между типическими характерами и типическими обстоятельствами является предметом анализа, конструктивной основой создаваемого здесь образа мира, инструментом постижения причин и следствий происходящего. Однако, повествуя о том, что воспринимается как некая обыденность, Солженицын не просто выписывает подробности — факты, явления, — которые в условиях той эпохи воспринимались как обычные, рядовые, но сгущает, концентрирует романное действие, дает изображаемому резкую оценку. Воображение художника позволяет воспринимать изображаемую здесь реальность, предметность как не имеющую полного соответствия ей в реальности.

Как отмечено английской исследовательницей Р. Марш, автор романа «В круге первом» совмещает в себе историка и художника слова, что вообще свойственно дарованию Солженицына, выстраивающему свои произведения на строгом историческом фундаменте, многочисленных, в том числе архивных, источниках, вводящем в свои произведения реальные события, исторические фигуры. При этом последние воссоздаются (и должны восприниматься читателем) отнюдь не в искаженном (в угоду авторской позиции) виде, а в исторически точном (истинном) виде и в то же время — как эстетические феномены. Следует особо подчеркнуть, что освоение именно исторического материала, ориентация на него становится для автора такого рода произведений средством особенно сильного воздействия на общественное сознание: оставаясь художественным, они оказываются для читателя историческим документом, служат задаче осмысления времени, эпохи, в конечном счете — мира [8. С. 142].

Особое место в развитии авторской мысли, в художественной структуре романа принадлежит образу Сталина. Ему уделено в тексте немного места, но главы, где появляется вождь народов, являются центральными для понимания авторского замысла, для утвержденной им концепции жизни. В сущности, его злой волей диктуется происходящее в стране, выстраиваются судьбы персонажей — определяется движение истории.

Создавая образ правителя страны, Солженицын использует разнообразные художественные средства, диктуемые одной задачей, — развенчать сложенный усилиями многих и многих — в том числе писателей — миф о его величии. Это сказывается уже в нарисованном здесь портрете: вопреки образу, закрепленному на живописных полотнах, в литературных произведениях, в романе Сталин изображен почти немощным стариком небольшого роста, с физиономией, побитой оспой, с кривыми зубами — в нем нет ничего от того исполина, каким он выглядел в глазах восторгавшихся им современников. Откровенная сатира служит не только снижению образа того, кто в сознании многих представал «как некий бог» (А. Твардовский), но и утверждению мысли о важнейшей черте сталинской эпохи, где был провозглашен лозунг: «Прекрасное — это наша жизнь». Увы, и тот, кому принадлежала в ней главная роль, даже внешне выглядел отнюдь не таким, каким представал на картинах и экране. Еще более убеждает в этом жизнь, предстающая на страницах романа. Изображение «шарашки» (а это лишь «первый круг» ада, который был уготован советскому человеку), русской деревни, куда попадает один из персонажей, позволяет увидеть, сколь далеки от реальности славословия советской действительности, так мощно звучавшие даже во времена создания романа. Но Солженицын не ограничивается сарказмом, резкими сатирическими красками, рисуя облик вождя всего прогрессивного человечества, корифея наук, важнейшей чертой которого является стремление жизнь своим представлениям о законах ее развития, используя ее вплоть до самых жестоких и отвратительных средства для подавления всякого инакомыслия (другими словами свободы самовыражения), в чем бы оно ни выражалось.

Одним из первых в русской литературе Солженицын предпринял попытку проникнуть во внутренний мир Сталина, его психологию, проследить логику его мыслей, характер испытываемых им чувств. Попытка эта, по мнению многих исследователей, не может быть оценена как достаточно успешная; это было, отмечено, например, Ж. Нива. Говоря о его способности добиваться того, что «в нем самом начинает звучать скрытая мелодия чужого существования», исследователь приходит к выводу, что в результате, он приходит «к отвратительному слиянию с противником» [9. С. 107]. Одно из проявлений такого «слияния» можно усмотреть в том, что свойственные Сталину стремление к упрощению, выход к элементарным решениям выдвигаемых жизнью проблем приводят к усвоению присущему тому преимущественно рационального мышления. Автор романа стремится представить его внутренний мир в виде логически стройной системы взглядов и жизненных принципов, находящих адекватное поведенческое и мыслительно-речевое выражение. Там, где порой была бы более уместна некоторая недоговоренность, автор стремится к полному исчерпанию и объяснению, математик побеждает художника. Может быть, поэтому образ императора Земли выглядит несколько схематичным» [10. С. 171]. Но говорить в этом случае о художественном просчете явно некорректно. Здесь опять-таки обнаруживает себя одна из особенностей литературы, восходящая к искусству социалистического реализма, где изображение персонажа, развенчиваемого писателем, лишено многомерности. Так было

уже в «Матери» Горького, где представители власти (например, жандарм) были написаны одной краской: каждый из них выглядел не столько человеком, сколько исполнителем обусловленной их назначением функции. Заметим, что позднее, создавая в «Красном колесе» образ Ленина, Солженицын использует тот же прием: вождь революции предстает здесь в крайне неприглядном виде, все в нем подчинено одной цели — революции, он напрочь лишен того, что обычно называют человечностью.

В эпическом произведении, а именно таким является по своей жанровой природе роман «В круге первом», читатель встречается с эпическим, тяготеющим к объективности изложения повествованием. Однако это не исключает субъективности повествования, что диктуется явно или не явно выявленным авторским сознанием. В литературе социалистического реализма оно диктуется представлением о ценности человека, ориентированным на социальные, а не общечеловеческие ценности. Концепция мира организуется всецело волей автора, исходящего не из познаваемых им законов жизни, а из известных, диктуемых извне канонов. Не то у Солженицына: избирая романную (эпическую, тяготеющую к объективности) форму повествования, он не скрывает предпочтения своей собственной, а в данном случае — народной, диктуемой ощущением слияния своей судьбы с судьбами тех, кто встретился ему на жизненном пути, точки зрения, над официальной. Нигде в романе не встречается упоминания о том, что повествователь принадлежит к литературному цеху, но отчетливо обнаруживающее себя его собственное Я неотделимо от Я (Мы) народа, что служит осознанию и утверждению мысли о человеке как главной ценности, подлинно — центре мира. Вопреки сталинской концепции человека-винтика, которому уготована роль лишь материала в деле преобразования мира по его, сталинским, планам и чертежам. Те, кому в этом мире принадлежит власть (Абакумов, Рюмин, Поскребышев и другие), выглядят здесь как пешки в игре вождя, они преодолеваемы не отпускающим их страхом, лишены человеческого начала. И это черта времени, которому они принадлежат и ревностно служат. Опять-таки говорить в этом случае приходится не об индивидуальных свойствах того или иного романного персонажа, а о его месте, его роли в созданном сталинской волей мире.

В современной науке о литературе утвердилось представление о художественном произведении как целостной системе, обусловленной, говоря словами Л. Толстого, «единством самобытного нравственного отношения к предмету» [11. С. 108]. Организуется это единство позицией, точкой зрения автора. Представление о ней реализуется прежде всего в образной системе произведения, в открывающемся здесь взаимодействии человека и мира, личности и общества, в условиях которого она (личность) осуществляется. Существенной является и реализуемая в рамках произведения проблема взаимоотношения человека с самим собой. Обратим внимание, что лишены свободы, чувствуют себя поразительно одинокими те персонажи романа Солженицына, в руках которых бразды правления. И более всего — никому не доверяющий, сам себя вычеркнувший из общей жизни вождь.

В центре романа является жизнь его героя (героев), процесс реализации его (их) личности, которая всегда находится в конфликтных отношениях с миром и в то же время неотделима от него: характер этих отношений. Возможность (невозможность) разрешения этого конфликта осуществляется благодаря автору, его позиции, так или иначе выявляемой авторской оценки. Оставляя в стороне вопрос об иерархии романских персонажей, подчеркнем, что в романе Солженицына изображаемый мир всецело подчинен воле вождя, организован волей вождя — оценка его автором не может вызывать сомнения, как не может вызывать сомнения и утверждаемая писателем убежденность, что возникающий на таких основаниях мир несправедлив и непрочен.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Синявский А.* Что такое социалистический реализм // Цена метафоры или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. — М., 1989.
- [2] *Синявский А.* Сталин — герой и художник сталинской эпохи // Синтаксис. — 1988. — № 21.
- [3] *Солженицын А.И.* В круге первом: Роман. — М.: Прозаик, 2009.
- [4] *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- [5] *Липовецкий М.* Забудем слово «реализм» // Литературная газета. — 1991. — № 48.
- [6] *Ziolkowski Margaret.* Literary Exorcism of Stalinism: Russian writers and the Soviet past. — Columbia: Camden House, 1998.
- [7] *Лейдерман Н., Липовецкий М.* Современная русская литература. 1950—1990-е годы: В двух томах. — М.: Academia, 2010. Т. 1.
- [8] *Marsh Rosalind.* Images of dictatorship: Stalin in literature. — L., NY: Routledge, 1989.
- [9] *Нива Жорж.* Солженицын. — М.: Художественная литература.
- [10] *Урманов А.* Творчество Александра Солженицына. — М.: Флинта-Наука, 2003.
- [11] *Толстой Л.Н.* Об искусстве. — М.: Искусство, 1958.

LITERATURA

- [1] *Sinyavskii A.* Chto takoe sotsialisticheskii realizm // Tsena metafory ili Prestuplenit i nakazanie Sinyavskogo i Danielya. — M., 1989.
- [2] *Sinyavskii A.* Stalin — geroi i khudozhnik stalinskoi epokhi. // Sintaksis. — 1988. — N 21.
- [3] *Solzhenitsyn A.I.* V krugue pervom. Roman. — M.: Prozaik, 2009.
- [4] *Dobrenko E.* Politekonomiya sotsrealizma. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.
- [5] *Lipovetskii M.* Zabudem slovo “realism” // Literaturnaya gazeta. — 1991. — № 48.
- [6] *Ziolkowski Margaret.* Literary Exorcism of Stalinism: Russian writers and the Soviet past. — Columbia: Camden House, 1998.
- [7] *Leiderman N., Lipovetskii M.* Sovremennaya russkaya literature. 1950—1990 gody: V dvuh tomakh. — M.: Academia, 2010. — T. 1.
- [8] *Marsh Rosalind.* Images of dictatorship: Stalin in literature. — L., NY: Routledge, 1989.
- [9] *Niva Zhorzh.* Solzhenitsyn. — M.: Khudozhestvennaya literatura.
- [10] *Urmanov A.* Tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna. — M.: Flinta-Nauka, 2003.
- [11] *Tolstoi L.N.* Ob iskusstve. — M.: Iskusstvo, 1958.

THE IMAGE OF STALIN IN A. SOLZHENITSYN'S NOVEL "THE FIRSTE CIRCLE"

I. Papadopoulou

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia

In Solzhenitsyn's novel "The First Circle" is given a literature analysis of an era, the central component of which is primarily associated with the time of Stalin. The novel explores the aesthetic embodiment of a world, in which is provided a concept of historical development.

Key words: novel, realism and social realism, system of images, Stalin, aesthetic position of the author.